

Летов О.В.

**ПОСТПОЗИТИВИЗМ И
КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТНОГО ЗНАНИЯ М. ПОЛАНИ**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
Россия, Москва, trantor59@mail.ru*

Аннотация. Данная работа посвящена концепции личностного знания М. Полани – одного из основоположников постпозитивистской философии науки. Различие между «контекстом открытия» и «контекстом обоснования» было разработано для того, чтобы выделить разнообразие субъективных и психологических процессов, через которые прошел ученый-естествоиспытатель на пути к своим открытиям. Согласно сторонникам постпозитивизма процесс или контекст обоснования в естествознании также имеет социальные, психологические и исторические аспекты. Вместо традиционной идеи объективного знания, которое открыто для любого субъекта, Полани выдвинул идею личностного знания. Согласно его концепции идеал объективного познания, пассивно утверждаемый беспристрастным наблюдателем, оказался мифом. Понимание Полани личностного знания и неявного знания закладывает основу для доверия человеческим знаниям без необходимости сводить все к требованиям явных научных доказательств.

Ключевые слова: «контекст открытия» и «контекст обоснования»; философия науки; постпозитивизм; проблемы истории и психологии науки; интерсубъективная истина; личностное знание.

Получена: 24.05.2024

Принята к печати: 20.06.2024

Letov O.V.

Postpositivism and the concept of personal knowledge by M. Polanyi

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow, mramor59@mail.ru*

Abstract. This paper considers the concept of personal knowledge of M. Polanyi, one of the founders of the post-positivist philosophy of science. The distinction between the “context of discovery” and the “context of justification” was developed to highlight the variety of subjective and psychological processes that the natural scientist went through to make his discoveries. According to postpositivists, the process or context of justification in natural science also has social, psychological and historical aspects. In contrast to the traditional idea of objective knowledge, which is open to any subject, Polanyi put forward the idea of personal knowledge. According to his concept, the ideal of objective knowledge, passively affirmed by an impartial observer, turned out to be a myth. Polanyi's understanding of personal knowledge and tacit knowledge lays the foundation for trusting human knowledge without having to reduce everything to the demands of explicit scientific evidence.

Keywords: “context of discovery” and “context of justification”; philosophy of science; post-positivism; problems of history and psychology of science; intersubjective truth; personal knowledge.

Received: 24.05.2024

Accepted: 20.06.2024

Введение (постпозитивизм и современная философия науки)

В 1938 г. философ-эмпирик Ганс Райхенбах в своем тексте «Опыт и предсказание» провел различие между «контекстом открытия» и «контекстом обоснования». Это различие было необходимо для того, чтобы выделить разнообразие субъективных и психологических процессов, через которые прошел ученый-естествоиспытатель для своих открытий, включая строгие логические аргументы и методы наблюдения, с помощью которых его теории могли бы быть проверены. Примерно в то же время Карл Поппер работал над той же проблемой, что нашло отражение в его книге «Логика исследования» [Popper, 2002]. По мнению Поппера, указанное различие четко отделяло проблемы истории и психологии науки от проблем собственно философии науки. У Поппера было более широкое видение научного процесса, чем у строгих венских позитивистов; он

считал, что хорошие научные теории действительно могут начинаться с метафизических догадок, что научные законы «не могут быть логически сведены к элементарным утверждениям опыта» и, следовательно, что процессы индуктивного обобщения на основе опыта наблюдений не могут использоваться для разграничения науки и других форм исследования» [Popper, 2002, p. 13]. Вместе с тем Поппер был убежден, что научные теории можно проверять путем дедуктивного перехода от теорий к фиксации наблюдений. Он писал, что, хотя «научные теории никогда не являются полностью оправданными или проверяемыми, они тем не менее поддаются проверке. Поэтому <...> объективность научных утверждений заключается в том, что они могут быть интерсубъективно проверены» [Popper, 2002, p. 22].

Как и многие другие идеи, идея различия между контекстом открытия и контекстом обоснования подвергалась критике представителями интеллектуальных кругов в 1960-х и 1970-х годах. Это различие было основной теоретической идеей, вокруг которой бушевали дебаты о взаимосвязи между областями психологии, истории и социологии науки, с одной стороны, и философией науки – с другой. Из критиков наиболее известным является Томас Кун, чья работа была предметом споров, но чья точка зрения относительно этого различия была совершенно ясной. Кун утверждал, что процесс или контекст обоснования в естествознании также имеет социальные, психологические и исторические аспекты. Это означает, что «основания» интерсубъективной, проверяемой истины в науке не могут быть сведены к вечной логике и неопровержимым наблюдениям. Эти основы, в соответствии с которыми была установлена истина, могли со временем меняться, могли включать в себя социальное давление и социальное обучение и даже могли включать в себя что-то вроде «мировоззрения», которого придерживаются отдельные ученые [Kuhn, 1996, p. 8–9, 111–135]. Таким образом, Кун переосмыслил всю проблему познания, он оспаривал независимость рациональности и проверяемости от ошибочных социальных формаций и психологических тенденций ученых.

Однако если куновская революция превратила контекст обоснования в контекст открытия и, таким образом, создала пространство для появления сильной программы в социологии науки, в философии Поппера было еще одно невысказанное предположение,

которое было столь же проблематичным. Отделяя поиск истины от псевдонауки, Поппер считал (естественно-научную) реальность, которую рассматривали ученые, беспроблемной. Все это создает проблемы для трактовки социологического знания. Ибо если попперовская «концепция природы» «работает» в области философии науки или естествознании, в социальных науках нельзя претендовать на какое-либо согласие относительно единой природы социальной реальности. Существуют ли и каким образом общества, коллективы, группы, классы, культура, люди и т.д., само по себе является вопросом, который всегда решается одновременно посредством исследования мира и предположений о нем.

Указанная «проблема постпозитивизма» «преследует» методологию науки и, в частности, социальное измерение науки с 1960-х годов. От методологов постоянно требуют учитывать контекст производства своих и чужих знаний – социальное положение исследователя, ту или иную теорию, которую он применяет, и т.д. Иными словами, встает вопрос о «мультипарадигматичности». «Характер дисциплины, споры ученых включают идеи о самой природе социологического объекта исследования, которые концептуально структурируют виды исследовательских вопросов, методы, которые они используют для получения данных для ответа на эти вопросы, и – если объяснение является их целью – виды сущностей, на которые они ссылаются при построении объяснения социального явления или набора социальных действий¹» [Reed, 2023, p. 21].

Для решения указанной выше проблемы И.А. Рид предлагает провести различие между контекстом исследования и контекстом объяснения. Контекст исследования относится к социальному и интеллектуальному контексту самого социолога. Контекст объяснения относится к реальности, которую он хочет исследовать, и в частности, к социальным действиям, которые он хочет объяснить, а также к частям или аспектам окружающего эти действия контекста, которые он использует для их объяснения. Контекст исследования включает в себя оба контекста (открытия и обоснования); контекст объяснения так или иначе определяется любым эмпирически обоснованным утверждением истины в социологическом

¹ Здесь и далее перевод на русский язык по тексту статьи наш. – О.Л.

исследовании. Любое описание социологического знания развивает проблему отношений между этими контекстами, обычно одновременно в описательной и предписывающей манере. Социологическое исследование обладает симметрией, чуждой естествознанию: как контекст исследования, так и контекст объяснения не только социально структурированы, но также включают в себя (в различной степени социализированную) человеческую субъективность. Для тех, кто заинтересован в единстве гуманитарных и естественных наук, а также в притязаниях обеих на объективность, эта симметрия представляет собой проблему, поскольку нарушает удобные отношения между исследователем как субъектом и природой как объектом.

В социальных науках существует «парадокс», вызванный симметрией между контекстом исследования и контекстом объяснения. Представитель гуманитарных наук стремится исследовать социальный объект в контексте объяснения. Но поскольку он сам является социальным существом, те самые силы, которые, как он утверждает, выступают предметом исследования, могут оказывать влияние на его собственные социальные действия, включая то, что он думает и пишет. Таким образом, на отношения между исследователем и объектом «влияет», «вмешивается» в них или «структурирует» социальный контекст исследователя. Следовательно, социальная природа социологического знания ставит под сомнение его объективность, его подобие контексту объяснения. Идеальные отношения между исследователем-субъектом и исследуемым объектом нарушаются тем фактом, что теории исследователя об обществе и социальном действии вполне могут быть применены к нему самому. Особенно если исследователь не склонен верить своим испытуемым или объяснять их действия силами, находящимися за пределами контроля испытуемых. «Отягощает» ли теоретическая подготовка в той или иной школе наблюдения социолога и есть ли другой выбор?

Определенный набор возражений против позитивизма был выдвинут во имя контекста исследования. Обширное размышление и эмпирическое изучение социальных, культурных и психологических элементов производства естественно-научных знаний (которые разбили границу между историей / социологией / психологией науки и философией науки) привело к выводу, что кон-

текст исследования может не быть исключенным из любого обсуждения претензий науки на истину и рациональность. Здесь сошлось множество различных интеллектуальных направлений, в том числе «сильная программа» социологии науки [Bloor, 1976; Barnes, et al. 1996], новые посткуновские философы науки (И. Лакатос, П. Фейерабенд), а также радикальное вмешательство Куайна в англо-американскую философию науки – прагматическая деконструкция аналитического / синтетического различия и «натурализация эпистемологии», в которой он утверждал, что все вопросы эпистемологии являются вопросами психологии [Quine, 1969]. «Этот новый мощный академический дух времени породил идею, общую для многих современных гуманитариев, согласно которой самопонимание науки как внеконтекстного знания было в лучшем случае полезной иллюзией, а в худшем – пагубным воспроизводством «чистого мышления» [Reed, 2023, р. 28–29]. Вопросы о целях и причинах социальной науки, включая работу над ее связью с радикальными социальными движениями и политическими тенденциями на Западе в целом, привели к попыткам переформулировать и переосмыслить социальные научные знания в соответствующем или правильно понятом контексте исследования. Социально-научный контекст исследования был открыт и включил в себя ранее исключенные аспекты знаний ученого: ценности, убеждения, интересы, социальные силы, политику и т.д. Представители социологии знания приняли «парадокс постпозитивизма» и обратились к задаче постижения того, что скрывается за якобы нейтральными, якобы объектно-ориентированными притязаниями контекста исследования. Таким образом, метатеоретические позиции и эпистемологические взгляды на социальные исследования имплицитно или явно отвечают на вопрос, какова связь между контекстом исследования и контекстом объяснения в социальных науках.

Постпозитивизм представляет собой набор интеллектуальных усилий, направленных на нарушение границ знания, установленных логическим позитивизмом как в контексте исследования, так и в контексте объяснения. Изучение контекста исследования и контекста объяснения стало, если не честной игрой, то, по крайней мере, допущенной к возможному рассмотрению. Работа, проведенная представителями «постпозитивизма» (на что указывает приставка «пост»), возможно, на определенном этапе была нега-

тивной в смысле подрыва уверенности и консенсуса. Это было разрушительным еще и потому, что без аргументов и, что, возможно, более важно, без чувствительности позитивизма, степень, в которой социальные науки «похожи на естественные науки», становится трудным вопросом для ответа. Но этот негатив оставил после себя позитив – массовое открытие других способов, с помощью которых социологическое знание могло быть сконфигурировано, сконструировано и обосновано.

Концепция личностного знания М. Полани

Одним из родоначальников постпозитивизма выступает М. Полани с его идеей личностного знания. Ч.В. Лоуни II (Холлинс университет, Рэннок, США) отмечает, что у Майкла Полани было сложное отношение к Просвещению. Как ученый, он ценил свет знания, который могли обеспечить разум и строгий метод, но он также понимал, что критические стандарты для знания, на которых настаивало Просвещение, могли способствовать опасным искажениям. Хотя он дорожил многими ценностями Просвещения, особенно свободой, которую оно принесло, он понимал, что его критическая программа не может узаконить даже его собственные гуманистические и политические ценности. «Как практикующий ученый, он видел, что некоторые проблемы в мировоззрении Просвещения коренятся в неправильных представлениях о том, как человек открывает и подтверждает научные знания, и поэтому, как философ, он работал над исправлением эпистемологических ошибок, стоящих за “сциентизмом”, который мог исказить то, как субъект понимает реальность, людей и человеческие ценности» [Lowney II, 2021, p. 140].

В отличие от традиционной идеи объективного знания, которое открыто для любого субъекта, Полани выдвинул идею личностного знания. В отличие от идеала критического рационализма, где все знания основаны на явном анализе незыблемых оснований, Полани представил идеи молчаливого интерпретативного знания, рамки открытия и фаллибилизм. И в отличие от сути дуализма – растущие материалистические взгляды на то, что, действительно, реальное состоит исключительно из движущейся материи, человеческий разум полностью редуцируем и все смыслы и ценности

просто субъективны – Полани сформулировал идею возникающего бытия и пребывания. Через эти грани своей посткритической программы он подтвердил контакт субъекта с реальностью и человеческую способность обнаружить истинные ценности. Вместо того чтобы отвергать Просвещение, Полани прокладывает курс на пересмотр идеи Просвещения об открытии истины посредством рационального исследования. Его основная концепция направлена на то, чтобы сбалансировать излишества идеи Просвещения. При этом он надеялся избежать рецидивов аналитической философии, отрицания постмодернизма и некритичного закрепления закрытых традиций. Его подход дает надежду на осторожный прогресс в обществе, которое одновременно признает ценность своих традиций и открыто для перемен.

Важность посткритического подхода Полани лучше видна, если проследить его идеи сквозь призму исторического контекста. Ключевые фигуры современной философии, такие как Декарт, посеяли предположения о научном познании и природе бытия, которые представители Просвещения поддерживали в своей концепции научного прогресса. Декарт призывал сомневаться во всем, что не может быть поставлено как надежная и неоспоримая рациональная основа. Считалось, что такая основа открыта для каждого, независимо от его биографии и образования, как и рациональные шаги, которые ведут субъекта от истины к истине. Это положение продвигало идеалы критического разума и безличной объективной позиции, взгляда Бога, которого в принципе мог достичь каждый. Все существующие убеждения теперь могут подвергнуться разрушительному, гиперболическому воздействию сомнения, независимо от того, насколько они священны или хорошо подтверждены предполагаемыми экспертами. Единственными авторитетами, которые признавал Декарт, были несомненные интуиции, открытые светом разума. Проект заключался в том, чтобы разобрать любые претензии на знание и проанализировать их; тогда можно восстановить знания на надежной и общей основе. В этой концепции понятие *phronesis*, или практической мудрости, становится загадочным фарсом, а знания любого истинного эксперта считаются полностью открытыми и рационально доступными каждому.

Раздвоение Декарта между духом и материей было воспроизведено в различении Кантом ноуменального и феноменального.

Развитие Кантом дуализма Декарта включало положение о том, что любая феноменальная сущность или событие всегда будут объяснимы с точки зрения причинных законов, следовательно, все, что человек в силах испытать и понять, может быть объяснено наукой. Это объяснение укрепило веру в прогресс науки, способной объяснить не только биологию и живые организмы, но также и психологию и социальные явления. Но хотя научные исследования теперь включали в себя смыслы и ценности, эти ценности можно было рассматривать как конструкции, которые можно более полно объяснить с точки зрения химических и физических законов. Как предсказывал Ницше, последствия философии Декарта подобны свету звезд. Потребовалось время, чтобы они проявились в человеческих мыслях и действиях.

Сторонники постмодернизма обычно выступали против науки и сциентизма, утверждая, что не существует нейтральной объективной позиции и что сам разум служит силе, а не истине. Все идеи и ценности рассматривались ими как следствие воли к власти или водоворотами в изменчивой игре исторических обстоятельств. Полани не разделял целиком идеи отрицания научной достоверности и прославления субъективности или воли к власти; он считал, что отрицание роли науки столь же ошибочно, как и сциентизм. Вместо этого он стремился исправлять аналитические, редукционистские и дуалистические крайности, а не отвергать их.

Посткритическая философия Полани возникла из его размышлений по поводу двух взглядов на науку. Во-первых, отношение, которое подчиняет научную истину воле политической власти. Это подчинение подрывает призыв ученых следовать за подсказками природы, куда бы они ни приводили в поисках истины. Так, Полани выступал против пятилетних планов в СССР и программ в Великобритании, которые подчиняли усилия ученых политическим целям. Но он также не разделял идеи сциентизма, согласно которым наука является единственным реальным источником истины и обеспечивает чисто объективный подход, преодолевающий все предрассудки и искажения. Эта вторая позиция поощряла усилия по сосредоточению науки на упрощенном подходе, сводимом к физике как исходной фундаментальной науке. Подобный редукционизм был характерен для логического позитивизма и других попыток объединить науку посредством аналитической философии

вплоть до 1950-х годов и далее. Сегодня подобную позицию отстаивают «элиминативисты», которые утверждают, что человеческий разум полностью редуцируем и представляет собой не что иное, как нейрохимические процессы. Обе указанные позиции подпитывают друг друга.

Полани видел, что наука развивается не так, как представляли себе простые люди и философы науки. Преувеличенный взгляд на науку, который пропагандировали культура, история и философия, был искажением. Идеал объективного познания, пассивно утверждаемый беспристрастным наблюдателем, оказался мифом. Наука действует, скорее, как сама традиция. Она основана на идеологической обработке учеников, которых учат использовать оборудование и видеть различными способами (например, при чтении рентгеновских снимков или понимании значения иммуноблоттинга белка). Взаимное согласие сообщества ученых также действует как традиционный авторитет. Полани видел, что сама наука опирается на знания и ценности, которые она не может полностью или явно обосновать. Таким образом, Полани пришел к выводу, что лучшие человеческие притязания на знание следует описывать не как чисто объективные и не просто субъективные, а как личностные.

Представители науки делали открытия, опираясь как на явные, так и на скрытые обязательства. И хотя эти обязательства не могут быть полностью обоснованы и подлежат пересмотру, они восполняются тем, что Полани называет «универсальным намерением». Противопоставляя неявное знание идеалу явного анализа и онтологическое возникновение идее редукции, Полани сформулировал взгляд на знание, который отвергал как сциентизм, так и постмодернизм. Вместо этого он поддержал нескептический фаллибилизм, который давал определенную степень автономии различным областям исследований. «Его подход позволяет ценностям снова стать реальными, как в качестве трансцендентных идеалов, так и в качестве новых свойств, открытых человеческими обществами» [Lowney II, 2021, p. 146].

Насколько знание является личностным, а не просто субъективным, можно увидеть в том, как «работает» знание и как совершаются открытия. Нет ничего плохого в попытках проанализировать и свести знания к определенным компонентам, но это не может быть исчерпывающим подходом. Анализу присущи ограничения, и

то, что сейчас выступает в качестве твердой основы, может измениться в будущем, поэтому Полани утверждает, что «стремление к формализации найдет свое истинное место в негласных рамках» [цит. по: Lowney II, 2021, p. 146].

Полани подчеркивал, что субъект всегда обращает внимание на какой-то неопределенный фон, когда фокусирует свое внимание. Согласно сторонникам феноменологии, на дистальном конце интенциональности всегда существует объект, Полани считал, что на проксимальном конце всегда имеются неявные подсказки. Этот вектор интенциональности от субъекта к объекту стал ключом к пониманию того, что у любого знания есть неявное измерение. Фоновые подсказки объединяются вместе в фокусное осознание или значение, но в процессе познания субъект не осознает непосредственно подсказки или контекст, на который он неявно опирается. Таким образом, существует дихотомия между молчаливым осознанием фоновых подсказок и фокусным осознанием, которое способствует формированию явного знания. По мнению Полани, молчаливое измерение в лучшем случае доступно лишь незначительно. Перенос внимания на неявные подсказки нарушает фокальную интеграцию. Например, Полани отмечал, что, играя на фортепиано, человек сосредоточивается на музыке. Тренированные движения пальцев действуют как молчаливые подсказки. Если человек переключает свое внимание с музыки на прямое осознание пальцев как фокуса, это нарушает интеграцию подсказок, и музыка прерывается или глохнет. Субъект часто получает знания, взаимодействуя в мире, например, путем «субвосприятия», где он не осознает, как получил знания из опыта. Все явное знание основано на навыках и неявном знании, но это не лишает легитимности знания, которые субъект получает, а просто означает, что он не всегда может полностью объяснить то, что знает. Полани показал, как вера переплетается даже с самыми определенными убеждениями субъекта. В работе «Личностное знание» (1958) он выступил против идеалов объективного знания, явного анализа и онтологической редукции, которые назревали в западной культуре с момента зарождения современного мышления [Polanyi, 1958]. У знания всегда есть сторона, которую человек должен принять на веру – личная сторона – даже в науке.

Открытие предполагает личную убежденность и опору на негласную структуру интерпретации. Чтобы хотя бы увидеть проблему в науке, нужно достаточно глубоко погрузиться в базовую теорию. Только тогда можно будет распознать пробелы или заметить, что некоторые наблюдения не совсем совпадают с исходной теорией. Полани связал эти поиски с проблемой, поставленной Платоном в «Меноне». Сократ сформулировал парадокс: если люди не знают, что ищут, как узнать, когда они найдут это? И если люди способны нечто распознать, не означает ли это, что они уже это знали и им не нужно было искать? Решением для Полани стало неявное измерение знания. Неявное понимание ученым предыстории того или иного вопроса не только позволяет ему осознать проблему, но и может помочь направить поиск в продуктивном направлении. Решение обнаруживается, когда фоновые подсказки объединяются в единое понимание, которое неявно более согласуется с интерпретативной структурой и, следовательно, более удовлетворительно, чем другие альтернативы. Каждое открытие меняет или обогащает исходную структуру. Чтобы сделать важное открытие, возможно, придется радикально изменить интерпретативную структуру. (Подобное положение дел Томас Кун позже назвал «сменой парадигмы».)

Полани следует за Пуанкаре в изложении стадий открытия. Сначала возникает вопрос, затем человек ищет ответ, используя все доступные ему ресурсы. Одним из них движет страстное стремление найти решение. Если это важная проблема, которую нельзя должным образом решить в рамках нынешних представлений, тогда можно упереться в стену и пережить «темную ночь души». В эту темную ночь система интерпретации, с помощью которой ученые обычно понимают данные, разрушается. Фактические наблюдения больше не имеют никакого смысла. Потом («Эврика!») может возникнуть решение, которое предполагает понимание вещей радикально иным способом. «Интуиция» молчаливо объединила подсказки в удовлетворительную концепцию.

Личная заинтересованность исследователя, а также его личный, культурный и теоретический опыт необходимы для познания и его развития, но это не делает приобретенное знание «просто субъективным». Нельзя не признать, что в будущем могут быть новые открытия и ученые найдут лучшие теории, но это не делает

текущие лучшие теории «просто неправильными». Тот факт, что появятся лучшие способы анализа наблюдений, не означает, что в отношении теорий и истины «все подходит», как утверждал П. Фейерабенд [Feuerabend, 1978]. Человек приближается к истине и действует в соответствии со своими обязательствами, хотя неявное знание неустранимо, а картезианская уверенность в очевидности невозможна. Таким образом, субъект действует с «универсальной надеждой» на лучшие знания на данный момент, одновременно пытаясь быть открытым для новой информации и идей. «Он признает свой фаллибилизм, точно так же, как признает прогресс знания» [Lowney II, 2021, p. 150].

Точно так же, как основные значения не могут быть полностью сведены к неявным подсказкам, некоторое возникающее целое не может быть полностью сведено к вспомогательным частям. По мнению Полани, возникающие сущности могут обрести независимость от условий, на которые они опирались, чтобы появиться на свет. Здесь Полани переворачивает «машинную метафору», которая обычно ассоциируется с редукцией. Полани отмечал, что машина имеет принципы или законы, управляющие ее работой, которые не сводятся к принципам или законам химии или физики. Машина не нарушает законы низшего уровня, но ее необходимо идентифицировать и понимать с точки зрения контекста более высокого уровня и его законов. Это то, что Полани назвал «двойным контролем»: на дочернем нижнем уровне формируются необходимые условия, но на возникающем более высоком уровне могут использоваться параметры, оставленные открытыми на более низком уровне для осуществления собственного контроля. Итак, принципы физики и ее элементы были необходимы, но недостаточны для понимания механических принципов машины. Только в свете значений физики и химии, отмечал Полани, невозможно отличить работающую паровую машину от сломанной [Polanyi, 1969, p. 176].

Вместо заключения

Таким образом, понимание Полани личностного знания и неявного знания закладывает основу для доверия к человеческим знаниям без необходимости сводить все к требованиям явных научных доказательств. Это понимание дает возможность ответственно

поддерживать традиционные ценности. Полани был критиком сциентизма, но он также был защитником науки и научной истины. Точно так же Полани был критиком рационализма и идей Просвещения, но был и сторонником использования разума и ценностей Просвещения. Полани надеялся, что благодаря лучшей эпистемологии и онтологии, способным исправить искажения, которые продвигал рационализм Просвещения, можно будет предотвратить опасность нигилизма и моральной инверсии, а европейская либеральная традиция, ценившая индивидуальную и политическую свободу, сможет развиваться. По мнению Полани, этот прогресс опирается на «динамическую ортодоксальность», в которой важны как стабильность, так и перемены. Опираясь на ценности традиций, люди должны быть открыты для конкурирующих взглядов и прилагать усилия, чтобы вместе открывать новые истины.

Список литературы

- Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. – Москва : Мысль, 1996. – Т. 2. – С. 5–237.
- Barnes B., Bloor D. et al. Scientific Knowledge: a Sociological Analysis. – Chicago : University of Chicago Press, 1996. – 244 p.
- Bloor D. Knowledge and Social Imagery. – London ; Boston : Routledge & K. Paul, 1976. – 209 p.
- Brentano F. Psychology from an Empirical Standpoint. – London : Routledge and Kegan Paul, 1973. – 452 p.
- Feyerabend P. Against method. – London ; New York : Verso, 1988. – 290 p.
- Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago : University of Chicago Press, 1996. – DOI: 10.7208/chicago/9780226458106.001.0001
- Lowney Ch.W. II. Michael Polanyi: A Scientist Against Scientism // Callahan G, McIntyre K.B. (eds.). Critics of Enlightenment Rationalism. – Springer, 2021. – P. 139–158. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-42599-9_10
- Polanyi M. Knowing and being. – Chicago : Chicago univ. press, 1969. – 239 p.
- Polanyi M. Personal knowledge. – London : Keagen, 1958. – 428 p.
- Popper K. The Logic of Scientific Discovery. – New York : Routledge, 2002. – 544 p.
- Quine W.V.O. Ontological Relativity and Other Essays. – New York : Columbia University Press, 1969. – 165 p.
- Reed I.A. Sociology as a human science. Essays on interpretation and causal pluralism. – Springer, 2023. – 268 p. – URL : <https://doi.org/10.1007/978-3-031-18357-7>

References

- Barnes, B., Bloor, D. et al. (1996). *Scientific Knowledge: A Sociological Analysis*. Chicago: University of Chicago Press.
- Bloor, D. (1976). *Knowledge and Social Imagery*. London; Boston: Routledge & K. Paul.
- Feyerabend, P. (1988). *Against method*. London; New York: Verso.
- Kuhn, T.S. (1996). *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lowney, Ch. W. II (2021). Michael Polanyi: A Scientist Against Scientism. In G. Callahan, K.B. McIntyre (eds.), *Critics of Enlightenment Rationalism*. Springer.. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-42599-9_10 (First downloaded 15.01.2024).
- Polanyi, M. (1969). *Knowing and being*. Chicago: Chicago univ. press.
- Polanyi, M. (1958). *Personal knowledge*. London: Keagen.
- Popper, K. (2002). *The Logic of Scientific Discovery*. New York: Routledge.
- Quine, W.V.O. (1969). *Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press.
- Reed, I.A. (2023). *Sociology as a human science. Essays on interpretation and causal pluralism*. Springer, URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-42599-9_10 (First downloaded 15.02.2024) <https://doi.org/10.1007/978-3-031-18357-7>

Об авторе

Летов Олег Владимирович – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела философии, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия, Москва, mramor59@mail.ru

About the author

Letov Oleg Vladimirovich – PhD of Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher at the Department of Philosophy, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, mramor59@mail.ru